

ТЕННЫЙ КОРОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вероника Ли

18+

Вероника Ли

Темный король

<https://litres.ru/74122027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из протокола заседания Визенгамота, пометка «Совершенно секретно»:

— Брак между наследником Морнингстар и наследницей Винчестер невозможен. Это создаст прецедент, при котором две самые могущественные семьи объединят свои магические ресурсы. Равновесие сил будет нарушено. — Вы предлагаете запретить?

— Я предлагаю забыть о том, что этот вопрос вообще поднимался. Потому что если Морнингстар и Винчестер захотят породниться мы не сможем им помешать.

— Почему?

— Потому что они уже всё решили. Вопрос лишь во времени. А время, господа, работает на них.

Заседание закрыто. Присутствующие дали обет молчания.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вероника Ли

Темный король

Глава 1

Если Морнингстар — Тени, то Винчестер — это кости, на которых эта тень держится. Без них корона рухнет. И все это знают. Даже Люцифер».

Имя: Люцифер Морнингстар. ·

Статус: Чистокровный. Наследник Первой Династии. Хранитель Даров Смерти «неофициально». ·

Местоположение: Хогвартс, Слизерин. · Курс: 7 курс.

Возраст 18 лет

· Должность: Староста факультета. ·

Известен как: «Темный Король» среди древних семей. Принц Теней среди шепчущихся первокурсников. Он занимает собой всё пространство, в котором находится.

Рост 205 сантиметров это не просто цифра, это физический факт, заставляющий остальных чувствовать себя детьми, которых случайно пустили на взрослый праздник. У Люцифера та внешность, которую называют «аристократической», но в ней нет налета утонченной хрупкости. Его черты грубоваты, скульптурны, словно вырезаны резцом, который не ведает слова «нежность». Темные волосы всегда

идеально зачесаны назад, открывая высокий лоб и виски, где кожа смуглая. Это прическа хищника никаких челок, за которыми можно спрятаться. Но главное глаза. Темно-винные, почти черные, в зависимости от освещения они меняют цвет с глубокой бордовой ночи на цвет запекшейся крови. Смотреть в них то же самое, что смотреть в дуло заряженного пистолета: страшно, но отвернуться невозможно. Легкая щетина на скулах добавляет его облику опасной небрежности. Это не мальчик. Это мужчина, который пробовал жизнь на вкус во всех её проявлениях. Он постоянно тренируется. Не потому, что ему нужно поддерживать форму для квиддича или для галочки для него это способ обуздать свою природу. Огромная мышечная масса обтянута кожей, на которой, как карта запретных земель, раскинулись татуировки. Самая эротичная деталь. Сложная композиция из роз и черепов обвивает его горло, уходя за воротник мантии. Розы здесь не символ любви, это символ крови, которая цветет на шипах. Черепа дань уважения Смерти, которая всегда идет с ним по пятам. Когда он запрокидывает голову или медленно поворачивается, этот узор завораживает. Девушки смотрят на его шею и чувствуют, как внутри разгорается пожар. Парни смотрят и чувствуют, как инстинктивно сжимается их собственная гортань животный страх перед альфа-самцом. Идеальные шесть кубиков пресса, широкие плечи, мощные предплечья, покрытые венами, которые вздуваются, когда он сжимает палочку или чью-то глотку во время поцелуя в пу-

стых коридорах после отбоя. У него нет жира только мышцы, сухожилия и чистая, необузданная сила. Когда он злится или возбуждается, уголок его губы приподнимается, обнажая острые клыки. Для одних это сигнал к бегству. Для других приглашение подойти ближе, чтобы почувствовать, как боль и удовольствие сливаются в одно целое.

Его аромат: Tom Ford Fabulous Воздух вокруг него меняет плотность. Верхние ноты — это удар лавандой и шалфеем, но не успокаивающий, а агрессивный. Пахнет дорогим мужским одеколоном, который смешался с озоном после каста «Сектумсемпра». Кожа и горький миндаль. Этот запах оседает на языке, как привкус меди. Если прижаться к его шее, уткнувшись носом в эти чертовы розы с черепами, ты чувствуешь запах его кожи пряный, солоноватый от пота после тренировки, смешанный с магией, от которой сводит зубы. Боб тонка и кашмеран. Тягучий, сладковатый, на грани с приторным, но разбивающийся о горечь миндаля. Это аромат зависимости. Говорят, что один вдох этого парфюма вызывает привыкание быстрее, чем «Феликс Фелицис».

Фамильяр: Мей-кун темного, графитово-черного окраса по кличке Вивиан. Это не просто кот. Это его тень, обретающая плоть. Вивиан весит под 12 килограмм чистой мышечной массы и агрессии. Он единственное существо, которое Люцифер позволяет спать на своей кровати. Вивиан смотрит на окружающих с таким же высокомерным презрением, как его хозяин. Если Люцифер — Король, то Вивиан — его па-

лач. Кот царапает тех, кто осмеливается прикоснуться к хозяину без спроса, и мурлычет только когда Люцифер шепчет ему что-то на парселтанге (да, Морнингстары понимают змей, хотя это и не афишируется).

Патронус: Дракон. Не тот милый пушистый зверек, что вылетает у Гриффиндорцев. Его Патронус это бесплотное воплощение ужаса и власти. Когда он вызывает его, по залу разносится звук, похожий на хлопок гигантских крыльев, и воздух становится раскаленным. Форма дракона огромна, она закрывает собой всё обозримое пространство, напоминая, что перед тобой стоит тот, в чьих жилах течет древняя кровь. Волшебная палочка: Бузина, сердцевина — рог василиска. 14 дюймов. Палочка выглядит так, будто её создавали не для магии, а для ритуального убийства. Секции: Тонкий конусообразный стержень, который сужается к кончику, как жало. Рукоятка: Покрыта сложным геометрическим узором, который впору расшифровывать как древний гримуар. Навершие: Стилизованная голова животного. Сложно сказать, дракон это или василиск, но в пасти этой головы застыл черный камень. Когда Люцифер сжимает её в кулаке, его костяшки белеют, и кажется, что палочка — это продолжение его кости. Древесина бузины капризна и опасна для слабых, но для Морнингстара она поет. Буквально. Издает низкий, вибрирующий звук, когда он колдует, от которого у чувствительных ведьм подкашиваются колени.

Девиз Рода: «Ne swele, Ne libbe, Ā» — «Ни мертвые, ни

живые, но вечные».

Герб: Французский щит из темного золота и черноты «воронова крыла». Перевязь справа — матовое золото, видевшее тысячелетия. В углах — три лилии, превращенные в стрелы, направленные вниз. Это символ того, что их «чистота» убивает всё, к чему прикасается В центре — треугольник (Невидимость), внутри него круг (Единство Крови), а внутри круга — вертикальная черта, заостренная сверху и снизу. В королевской версии это скипетр, пронзающий круг. В чистокровных кругах ходят поговорки: «Мир магии стоит на трех столпах: Годрик, Салазар и Тени», где «Тени» — это Морнингстар. Они никогда не были Министрами Магии. Им это не нужно. Они — кукловоды, решающие судьбы Темных Лордов. Морнингстары не служат, они позволяют существовать.

Дары Крови:

1. Некромантия на грани искусства: Они не поднимают мертвых ради армии (это пошло). Они разговаривают с ними. Для Люцифера призраки Хогвартса — не жалкие создания, а информаторы. Он может заставить Кровавого Барона замолчать одним взглядом, а Серая Дама сама приходит к нему в Выручай-комнату, чтобы рассказать секреты, которые хранила тысячу лет.

2. Магия Крови: Морнингстары не дают клятв на магии. Это для простолюдинов. Люцифер использует «Печать Морнингстар». Если он смешивает свою кровь с кровью друго-

го, разорвать эту связь нельзя. Нарушитель физически истекает кровью, превращаясь в высохшую мумию за считанные минуты. Когда он говорит «Кровь поручу», это звучит как смертный приговор.

3. Метка Смерти: На его левом предплечье, у Люцифера есть родинка в форме треугольника. Истинный знак наследника. Иногда, если он сильно зол, кажется, что этот треугольник пульсирует.

4. Разум-Кладбище: Легиллименты сходят с ума, пытаются прочесть его мысли. Вместо разума они натываются на бесконечную, звенящую пустоту. Тишину. И холод. Ментальная магия отскакивает от него, как горох от стены. Его разум это склеп, в котором похоронены все, кто посмел в него залезть. Квиддич: Играет в квиддич. Ловец. Да, при его росте он должен быть загонщиком, но он предпочитает ловить снитч, потому что это требует терпения хищника. Перед матчем он никогда не надевает форму в раздевалке при всех.

Слабости: Люцифер не пьет сливочное пиво. Только огневиски. Чистое, без льда. Он никогда не смеется громко. Максимум — усмешка, от которой хочется провалиться сквозь землю.

Запах страха: Он чувствует его. Буквально. Как фэстрал. Если он подходит к тебе близко и делает вдох, считай, что ты уже либо труп, либо его игрушка.

Имя: Виктория Винчестер. ·

Статус: Чистокровная. Наследница графского дома Вин-

честер. «Стальной Хребет» магической аристократии.

· Местоположение: Хогвартс, Слизерин. · Курс: 7 курс.

Возраст: 18

· Должность: Формально — никакой. Фактически — та, к кому приходят за решением споров, когда не хотят, чтобы об этом узнали профессора. И та, кого сам Люцифер Морнингстар называет единственным человеком, чей голос он готов слушать, даже если не согласен.

Виктория Винчестер — та аристократка, которую рисуют на старинных портретах, чтобы вешать их в самых темных углах родовых поместий, потому что от её красоты слишком больно глазам. Она маленькая. Сто пятьдесят сантиметров это рост, который заставляет старшекурсников инстинктивно хотеть её защитить. Пока она не посмотрит на них. Тогда желание защищать сменяется желанием спастись бегством. Волосы цвета спелой пшеницы, смешанной с платиной, спускаются ниже талии. Когда она идёт, они колышутся, как водопад, застывший во времени. Она редко собирает их в пучок — обычно только распущенными или в сложной косе, которая занимает у домовиков час каждое утро. Говорят, в этих волосах запутались души тех, кто посмел тронуть её без разрешения. Глаза. Блядь, эти глаза. Большие, небесно-голубые, обрамлённые густыми ресницами, они выглядят так, будто принадлежат кукле, которую принесли в жертву древнему божеству. В них нет тепла. В них есть оценка. Каждый раз, когда Виктория смотрит на человека, она решает: враг,

союзник, расходный материал. Но выглядит это так, словно она просто мечтает о летнем дне. Пухлые розовые губы её главное оружие в арсенале «невинность». Она умеет ими молить, умеет ими шептать секреты, умеет ими целовать так, что мужчины теряют способность соображать. И умеет ими произносить проклятия на парселтанге, от которых у змей сворачиваются хвосты от восторга. Маленькая, хрупкая на вид, с тонкой шеей, которую так и хочется обхватить ладонью. Но под мантией скрывается тело танцовщицы и убийцы сухожилия стальные, движения точные, каждое из них выверено до миллиметра. Она не тратит энергию на лишние жесты. Её походка это не ходьба, это скольжение клинка по горлу.

Аромат: Initio Parfums Oud for Greatness Воздух вокруг неё становится густым, как сироп. Но этот сироп — яд. Удар лавандой и шафраном. Лаванда здесь не успокаивает, она дурманит. Шафран добавляет металлического, почти кровавого оттенка. Пахнет дорогой стариной библиотекой, где книги переплетены в кожу убитых врагов рода. Пачули и уд. Настоящий уд, тёмный, животный, с запахом влажной земли после дождя и разлагающейся роскоши. Это запах древнего леса, где вешают предателей. Если принюхаться, кажется, что слышишь запах её кожи сладковатый, с ноткой корицы, которую она добавляет в утренний чай. Muskus и амбра. Тягучие, тёплые, оседающие на языке. Это запах её постельного белья. Запах, который остаётся на подушке после того, как

она уходит. Запах, из-за которого парни на факультете просыпаются в холодном поту с кривым пониманием того, что никогда, никогда они не будут достойны даже прикоснуться к краю её мантии.

Фамильяр: Дарси. Мейн-кун, девочка. Чёрно-белый окрас, словно день и ночь сошлись в одной шерсти. Дарси — это Виктория в кошачьем обличье. Такая же грациозная, такая же опасная, такая же невозможная. Она спит только на коленях у Виктории и шипит на любого, кто осмеливается прикоснуться к её хозяйке без разрешения.

Патронус: Львица. Не лев — символ Гриффиндора, а именно львица. Та, что охотится, когда самец отдыхает. Та, что приносит добычу и защищает прайд с яростью, перед которой меркнет любое пламя. Её Патронус серебристо-белая хищница с глазами, светящимися в темноте. Когда Виктория вызывает её в коридоре после отбоя, даже полумёртвые пикси разлетаются в стороны.

Волшебная палочка: Чёрное дерево (эбен), сердцевина — рог рогатого змея. Двенадцать с половиной дюймов. Это не палочка. Это ювелирное украшение, созданное для убийства. Цвет чёрный, глубокий, как смоль, с золотистыми вставками, которые переливаются при каждом движении. Золотая спираль обвивает часть палочки, создавая иллюзию движения кажется, что по дереву ползёт змея. Навершие голова змеи, выполненная из золота. Глаза крошечные изумруды, которые в темноте дают отсвет, похожий на парселтан-

говый взгляд. Палочка вытянутая, тонкая, почти изящная. В руке Виктории она выглядит естественно, как коготь, который всегда был её частью. Когда Виктория злится, золотая спираль начинает слабо светиться — рог рогатого змея реагирует на её магию крови быстрее, чем на любые заклинания.

Девиз Рода: «Sanguine Vincula, Honore Aeternitas» — «Кровью узы, честью — вечность». Это не просто девиз. Это контракт. Винчестер не дают пустых обещаний. Если они сказали «кровью», значит, они прольют свою или твою. Если сказали «честью», значит, они умрут, но не предадут. Но горе тому, кто примет их честь за слабость.

Герб Рода: Английский щит, вытянутый, с заострённым основанием, увенчанный графской короной. Но это не простая корона. Три стилизованные змеиные головы, поднятые в угрожающем жесте. Они смотрят в разные стороны на восток, запад и юг. Север оставлен открытым, потому что «враг может прийти только оттуда, где мы его не ждём». Глубокий, насыщенный зелёный, напоминающий змеиную чешую в сумерках. В лучах камина этот зелёный становится цветом яда. Серебро — холодное, полированное, как лезвие ритуального кинжала, которое хранится в сейфе Винчестер с XI века. Неофициальный девиз (шепотом в коридорах Министерства): «Мы не жалим первыми, но мы жалим последними».

Дары Крови:

1. Парселтанг. В мире, где змеиусты встречаются раз в столетие, Винчестер рождаются с этим даром. Каждый. Без ис-

ключений. Это не «тёмный признак», это родовое право, доказательство чистоты крови, которое надёжнее любого генеалогического древа.

2. Магия крови. Винчестер практикуют то, что другие называют «тёмной магией». Сами они называют это «высшей геральдикой». Проклятия и благословения родов: Один ритуал — и семья врага будет проклята на семь поколений вперёд. Или, наоборот, род союзника получит защиту, которую не пробьёт ни одно заклинание. Кровные узы: Ритуал, который делает двух неродственных людей «братьями по крови». Они делят магическую силу. Они чувствуют боль друг друга. И если один предаёт, второй имеет право выпить его досуха.

3. Политическая интуиция. Их не учат читать людей. Их учат видеть насквозь. С пелёнок Виктория знала: если гость улыбается слишком широко — он хочет что-то украсть. Если молчит слишком долго — готовит предательство. Говорят, нынешний граф Адмирон Винчестер её отец может, просто глядя на человека, сказать, предаст ли тот когда-нибудь. Виктория унаследовала этот дар. Она смотрит на тебя своими огромными голубыми глазами, и ты чувствуешь, как она перебирает твои кости, оценивая, сколько в тебе чести, а сколько трусости. Это не магия. Это хуже. Это воспитание.

4. Устойчивость к проклятиям. Вековая работа с кровной магией сделала Винчестер почти невосприимчивыми к родовым проклятиям. Их нельзя «проклясть до седьмого колена» — у них врождённый иммунитет. Единственные, кто

может наложить на них проклятие, которое действительно сработает — это Морнингстар. Но Морнингстар этого не делают. Потому что Винчестер — их правая рука. А короли не калечат свои руки. «Если Морнингстар — короли, то Винчестер — их меч. Но этот меч лежит в ножнах, украшенных такими же древними рунами, как и корона. И король знает: если меч вынуть, он может не захотеть возвращаться обратно». Виктория знает Люцифера с детства. Их семьи связаны кровными узами, заключёнными ещё в XII веке. Формально Винчестер — вассалы. Они не встречаются. У них нет статуса «пара». Но когда Виктория входит в Большой зал, Люцифер поднимает голову от тарелки. Когда Люцифер проходит мимо, Виктория замедляет шаг. Они говорят на парселтанге, когда не хотят, чтобы их слышали. Они спорят о политике, и их споры заканчиваются либо в библиотеке, где они перерывают полки в поисках доказательств, либо в его спальне в подземельях, где доказательства больше не нужны. В чистокровных кругах ходит слух, что их брак — это вопрос времени. Но никто не решается спросить об этом вслух. Потому что если спросить Викторию, она улыбнётся своими пухлыми губами и скажет: «Брак — это кровный договор. А мы с Люцифером... мы уже связаны крепче, чем браком». И после этих слов почему-то хочется перекреститься. Даже если ты чистокровный маг.

Чего НЕЛЬЗЯ забывать:

1. Она не строит глазки. Если Виктория на тебя смотрит,

это либо оценка, либо приговор. Исключение — Люцифер. Для него у неё припасены такие взгляды, от которых плавают камни в подземельях.

2. Дарси — это продолжение её руки. Если ты тронул кошку без спроса, Виктория узнает об этом раньше, чем ты успеешь отдернуть руку. И эта рука, скорее всего, перестанет быть твоей.

3. Она знает о смерти больше, чем должна. Будучи Винчестер, она присутствовала на ритуалах, где кровь смешивалась со смертью. Она не боится мёртвых. Она боится только одного предательства. Потому что предательство это единственное, что её род не умеет прощать. «Винчестер не ищут власти. Власть сама находит их, потому что без стали не удержать корону. А Виктория — это сталь, выкованная в крови и отполированная до зеркального блеска. Смотришь в неё — и видишь себя. Со всеми своими страхами, желаниями и той маленькой трусливой частью, которую ты так старательно прячешь. Она видит всё. И никогда не прощает слабости».

Глава 2

Воздух в Большом Зале был густым и сладким, как ликер, который пьют на поминках. Тысячи свечей парили под зачарованным потолком, отражавшим грозное небо — не предвещающее ничего хорошего сочетание чернильных туч и проблесков алой зарницы. Свечи не капали воском, они истекали светом, заливая четыре длинных стола янтарным сиянием, в котором дрожали тени от кубков и серебряных приборов. Первокурсники жались у входа, словно стадо овец, приведенное на бойню. Их мантии пахли магазином мадам Малкин, страхом и дешевым мылом. Они смотрели на преподавательский стол так, будто там сидели не профессора, а боги, сошедшие с Олимпа, чтобы решить их жалкую судьбу. За столом Слизерина царил эстетика власти. Никаких помятых салфеток или криво стоящих тарелок. Серебро начищено до зеркального блеска, хрусталь кубков отливал изумрудной зеленью, а скатерть из тяжелого темно-зеленого бархата струится до самого пола. Здесь сидели не студенты — здесь сидели наследники. Дети аристократии, чьи семьи писали историю магического мира кровью и золотом. Виктория Винчестер сидела с идеальной осанкой, расправив плечи так, что форма Слизерина — черная, с серебряной вышивкой в виде змей, обвивающих рукава, и вставками из настоящего шелка на манжетах сидела на ней как вторая кожа. Ее

волосы, цвета лунного серебра, тяжелым водопадом спадали за спину, касаясь сиденья. Рядом, с той же ледяной грацией, восседала Мими Розье ее лучшая подруга и та еще сука, если верить слухам. Мими поправила прядь своих идеально прямых, черных как смоль волос, закинув ее за ухо движением, от которого у любого парня с соседнего стола перехватывало дыхание. Ее фарфоровое лицо было бесстрастно, но в серых глазах плескалась скука пополам с презрением ко всему этому цирку.

— Опять в Запретном Лесу. Тео прислал Патронуса. Они с Люцифером... задержались. Там какая-то тварь проснулась, Морнингстару приспичило проверить кровь на клыках.— прошелестела Мими, даже не поворачивая головы. Ее голос был тихим, как шорох змеиной чешуи. Вики сжала ножку бокала так, что хрусталь жалобно пискнул. Ее патронус-львица внутри груди лениво перевернулась, почувствовав раздражение хозяйки.

— Ему просто нравится заставлять меня ждать. Сукин сын. — процедила она сквозь зубы. Запах ее духов, Oud for Greatness, казалось, стал гуще от злости. В этот момент дверь в Большой Зал распахнулась, и вошли они. Первым шел Теодор Нотт. Высокий, смуглый, с мокрыми после леса волосами, зачесанными назад. Его янтарные глаза лениво обвели зал, задержавшись на фигурке Мими с хищной нежностью. Рубашка под мантией была расстегнута на две пуговицы, обнажая золотистую кожу и край родовой татуировки. Он дви-

гался с грацией пловца, только что вышедшего из воды. А за ним, заполняя собой дверной проем, появился Люцифер 205 сантиметров чистой, животной угрозы. Его темные волосы были взъерошены ветром, на скуле красовалась тонкая царапина, которая делала его еще более опасным и... блядь, желанным. Запах Tom Ford Fabulous смешался с запахом сырой земли, древесной коры и чего-то металлического крови. Не его, разумеется. Татуировка на шее розы и черепа казалось, пульсировала в свете свечей. Взгляд темно-винных глаз скользнул по столу и впился в Викторию. Не в пустое место, а именно в нее. В этом взгляде была насмешка, вызов и что-то темное, голодное. Младшекурсницы за столом Слизерина дружно выдохнули, а одна особо впечатлительная второкурсница выронила вилку, которая со звоном упала на тарелку. Вики закатила глаза. Мими усмехнулась, поднося к губам бокал.

— Твой выход, дорогая. Укроти зверя. Вики не ответила. Она смотрела, как Люцифер, обходя стол, направляется к ней. Его клыки блеснули в усмешке. Он не извинялся. Он никогда не извинялся. Он просто сел рядом, слишком близко, так, что его бедро коснулось ее бедра под столом, и жар его тела прожег тонкий шелк ее мантии. Его аромат ударил в нос лес, кожа, запретное удовольствие. У нее свело низ живота. Ненавижу. Обожаю. Убью. В этот момент на кафедру поднялся Директор Северус Тобиас Принц. Тишина в зале наступила мгновенно, словно кто-то нажал на кнопку «вы-

кл» для всего живого. Северус не двигался — он возник. Высокий, гибкий, как ритуальный кинжал, он возвышался над школой уже десять лет. Его черная мантия струилась, как жидкий мрак, подчеркивая аскетичную худобу и хищный наклон плеч. Черные глаза, в которых плавали золотые искры родовой магии Принцев, медленно обвели зал. Этот взгляд вынимал душу, взвешивал ее и клал обратно с пометкой «некондиция». Справа от него сидел Гарольд Джеймс Поттер профессор Защиты от Темных Искусств и декан Слизерина. В свои тридцать с хвостиком он выглядел так, словно время и Темный Лорд обломали об него зубы. В зеленых глазах, когда-то полных гриффиндорского идеализма, теперь плескалась спокойная, уверенная сила. Шрам на лбу был почти не виден под аккуратно уложенными волосами. Он смотрел на студентов с теплотой, но особенно тепло — на свой факультет. Свой прайд. Свою змеиную семью. Северус заговорил. Его голос, низкий и обволакивающий, не нуждался в «Сонорусе». Он проникал под кожу, как ледяная вода.

— Добро пожаловать. В очередной раз эти стены становятся свидетелями зарождения... величия. Или бездарности. Выбор за вами. Он сделал паузу, давая первокурсникам прочувствовать вес каждой буквы.

— Прежде чем Распределяющая Шляпа начнет свою ежегодную арию, полную рифмованных банальностей, я хочу, чтобы вы поняли одну простую вещь. Факультет — это не клеймо. Это зеркало вашей магической сути. Он повел ру-

кой, и над столами возникли полупрозрачные символы.

— Гриффиндор. Стихия Огня. Ваша магия рождается в груди, горячая и быстрая. Вы — те, кто бросается в бой, не думая о последствиях. Из вас получаются великие воины и великие глупцы. Ваша сила — в храбрости, ваша слабость — в импульсивности. Если вы чувствуете, как при опасности ваша кровь закипает, а ладони чешутся от желания ударить первым — вам сюда. Но помните: огонь, вышедший из-под контроля, сжигает не только врагов, но и друзей. Символ огня погас, уступая место бронзовому орлу.

— Равенкло. Стихия Воздуха. Ваша магия рождается в голове. Холодная, расчетливая, стремящаяся ввысь. Вы видите то, что скрыто от других. Вы задаете вопросы, на которые нет ответов, и находите их. Из вас выходят ученые, артефакторы, те, кто двигает магическую науку вперед. Но берегитесь: воздух на большой высоте разрежен. Можно задохнуться от собственного высокомерия. Символ Хаффлпаффа — барсук на фоне земли — замерцал теплым светом. — Хаффлпафф. Стихия Земли. Ваша магия рождается в ладонях и сердце. Она питает, исцеляет, защищает. Вы — основа, на которой стоит мир. Пока Гриффиндор воюет, а Слизерин плетет интриги, вы растите урожай и лечите раны. Из вас выходят лучшие целители, травники, маги-натуралисты. Ваша сила — в терпении и верности. Но не позволяйте топтать вашу землю. Даже самый плодородный чернозем может стать могилой для тех, кто посчитал его слабым. И наконец,

над столом Слизерина заструилась серебристая змея.

— Слизерин. Стихия Воды. Глубинной, Темной Воды. Ваша магия рождается в крови и воле. Вы не бросаетесь в бой — вы ждете, пока враг устанет. Вы не кричите о своих планах — вы шепчете их на ухо нужным людям. Из вас выходят политики, банкиры, лидеры, те, кто правит миром, не надевая корону. Ваша сила — в хитрости и амбициях. Но помните: вода может быть целебным источником, а может — бездонным омутом, который затянет вас самих, если вы забудете, кто вы есть. Северус на мгновение замолчал, и его взгляд нашел Люцифера и Викторию. В черных глазах промелькнуло нечто, похожее на недовольство.

— Однако даже самые блестящие амбиции меркнут, если им сопутствует... отсутствие пунктуальности. Мистер Морнингстар. Мисс Винчестер. Я ожидаю, что старосты факультета подадут пример дисциплины, а не пренебрежения правилами. Ваше опоздание было замечено всеми. Не разочаровывайте меня. Задержитесь после ужина в моем кабинете. — произнес он ледяным тоном. Люцифер даже бровью не повел. Он лишь слегка наклонил голову, принимая выговор как должное. Вики же почувствовала, как к щекам приливает кровь. Ярость на него, на себя, на этого чертова директора, который при всех отчитал ее, словно она провинившаяся школьница, а не наследница Винчестеров. Она сжала зубы и едва заметно кивнула. Под столом она вонзила ногти в бедро Люцифера, чувствуя, как напряглись его мыш-

цы под тканью. Ублюдок даже не дернулся. Только его клыки показались в легкой, почти незаметной ухмылке. Ужин продолжался, но для них он превратился в пытку ожиданием. Вики ковыряла еду, ощущая на себе тяжелый, немигающий взгляд крестного Гарри. В его зеленых глазах читалась тревога и... странное понимание. Что, черт возьми, происходит? Кабинет директора Хогвартса был местом, где время текло иначе. Здесь, среди тихо похрапывающих портретов прежних директоров и поблескивающих серебром астрономических приборов, пахло старым пергаментом, сандалом и едва уловимо — зельями. Северус стоял у окна, заложив руки за спину, его черный силуэт резко контрастировал с серебристым светом луны. Гарри сидел в кресле у камина, закинув ногу на ногу, и смотрел на вошедших Люцифера и Викторию с выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего. Люцифер вошел первым, заполнив собой дверной проем. Вики скользнула следом, стараясь держаться на расстоянии, но его запах преследовал ее, как проклятие. Она чувствовала его тепло спиной.

— Ближе, и закройте дверь. То, что будет сказано здесь, не предназначено для чужих ушей.— приказал Северус, не оборачиваясь. Дверь с мягким стуком закрылась, отрезая их от внешнего мира. Северус резко повернулся. Его черные глаза впились сначала в Люцифера, потом в Викторию.

— Двадцать минут вы заставляли ждать всю школу. Это неприемлемо. Ты, Люцифер, наследник дома, который сто-

ит надо всеми. Твое поведение бросает тень не только на тебя, но и на твой род, на меня, как на твоего крестного, и на нее, — он кивнул на Вики. Люцифер лениво оперся плечом о книжный шкаф, скрестив руки на груди. Мышцы под мантией перекатились.

— В Запретном Лесу активизировалась тварь, которую не видели со времен Основателей. Я посчитал, что разобраться с ней до того, как она сожрет пару магглорожденных, важнее, чем слушать вой Шляпы. Северус прищурился.

— Ты мог послать кого-то. Ты не единственный маг в этой школе.

— Я не посылаю других делать мою работу, — отрезал Люцифер, и в его голосе прозвенела сталь. Вики фыркнула.

— А я-то тут при чем? Я сидела на своем месте, как примерная девочка. Почему меня отчитывают? — ее голос был сладким ядом.

— Потому что ты — его будущая жена, и ты должна следить за ним, — спокойно произнес Гарри, и слова упали в тишину комнаты, как камни в воду. Время застыло. Вики почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а затем прилила обратно с такой силой, что в ушах зашумело. Она медленно повернулась к крестному.

— Что? — выдохнула она, и это прозвучало как ругательство. Люцифер замер. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, но в темно-винных глазах вспыхнул опасный огонь. Он знал? Знал и молчал?

— Садитесь. Оба, — Северус указал на стулья перед столом. Они не сели. Они остались стоять, разделенные метром пространства, которое искрило от напряжения. Северус вздохнул и, подойдя к столу, выдвинул ящик. Достал оттуда древний свиток, перевязанный черной лентой с печатью. Печатью, на которой были видны два герба: треугольник с кругом и чертой Морнингстаров и змея, пронзающая корону, Винчестеров.

— Договор, заключенный между домами Морнингстар, прямыми наследниками рода Певерелл, и Винчестер, прямыми наследниками рода Салазара Слизерина. Договор, скрепленный кровью более трехсот лет назад, когда ваши предки поняли, что Тени и Стальной Хребет должны быть едины, чтобы удержать магический мир от краха.— голос Северуса стал тихим, ритуальным. Он развернул свиток. Строчки, написанные выцветшими чернилами, светились в полумраке.

— «Когда наследник старшего дома Певерелл — Морнингстар достигнет полного магического совершеннолетия восемнадцати лет он вступит в нерасторжимый брачный союз с наследницей дома Слизерин-Винчестер. Союз, призванный объединить Дары Смерти и Змеиную Кровь, дабы хранить равновесие меж миром живых и миром мертвых». Вики смотрела на свиток, и в ее голове билась одна мысль: «Этого не может быть. Это какая-то хуйня. Меня продали, как племенную кобылу?» Ее голубые глаза метнулись к Люциферу.

— Ты знал? Ты, блядь, знал и молчал?— прошипела она. Люцифер медленно повернул голову. Его взгляд был тяжелым, как надгробная плита.

— Догадывался, но точных сроков не знал. Думал, у меня есть еще пара лет, прежде чем меня прикуют цепью к маленькой злобной фурии.— произнес он низким, вибрирующим голосом.

— Ах ты, ублюдок! Прикуют? К маленькой злобной фурии? Да я скорее трахнусь с троллем, чем выйду за тебя!— Вики сделала шаг к нему, сжав кулаки. Ее патронус-львица внутри рычал, требуя крови.

— О, не сомневаюсь. У тебя как раз и рост подходящий, чтобы достать до его члена.— оскалился Люцифер, и его клыки блеснули в лунном свете. Гарри встал между ними.

— Хватит! Договор заключен на крови. Вы не можете его разорвать. Не можете обойти. Если вы не... консультируете союз в течение месяца после дня рождения Люцифера, вы оба умрете. Медленно. Твоя кровь, Вики, вытечет из тебя, как из проколотого бурдюка. А твоя, Люцифер, обратится в лед в жилах. Я читал описания. Это не та смерть, которую я пожелал бы врагу— рывкнул он, и от его голоса пламя в камине взметнулось вверх. В комнате повисла звенящая тишина. Вики смотрела на свои руки. Они дрожали. Она, наследница Винчестеров, мастер кровной магии, чувствовала себя загнанной в угол. Она медленно подняла взгляд на Люцифера. Он смотрел на нее. Впервые в его глазах не было на-

смешки. Там было что-то древнее, голодное и... обреченное.

— Через месяц, — прошептала она. Люцифер сделал шаг к ней. Она не отступила. Он наклонился, и его дыхание обожгло ее ухо. Запах Tom Ford Fabulous и леса окутал ее, как саван.

— Не волнуйся, маленькая змейка. Когда придет время, ты не просто кончишь. Ты разрушишься подо мной на атомы. И это будет единственный раз, когда я позволю тебе умереть.— прошептал он, и его голос вибрировал глубоко в его груди. Он выпрямился, бросил холодный взгляд на крестного и, не говоря больше ни слова, вышел из кабинета, оставив Вики стоять с колотящимся сердцем, мокрыми трусиками и желанием то ли убить его, то ли разорвать на нем одежду прямо сейчас. Гарри вздохнул и подошел к крестнице, положив руку ей на плечо.

— Я знаю, это тяжело. Но... может, это не так уж и плохо? Вики резко стряхнула его руку.

— Не плохо? Он меня ненавидит. А я ненавижу его. Северус, наблюдавший эту сцену с непроницаемым лицом, тихо произнес:

— Ненависть и любовь, мисс Винчестер, часто ходят рука об руку. Особенно когда на кону стоит кровь. А теперь идите. И постарайтесь не убить друг друга до утра. Вики вылетела из кабинета, идя по коридору так быстро, что каблучки высекали искры из каменного пола. В голове билась мысль: Месяц. У меня есть месяц, чтобы решить, как жить с этим про-

клятым, невыносимым, божественно пахнущим ублюдком. И как, черт возьми, уцелеть, когда он наконец прикоснется ко мне не в насмешку, а по-настоящему. Крыло Слизерина встретило ее тишиной и прохладой. Подземелья здесь были не сырыми казематами, а роскошными апартаментами. Гостиная с высокими сводчатыми потолками, зеленым бархатом, серебряными светильниками в виде змей и огромными окнами, выходящими прямо в черные воды озера. Гигантский кальмар проплыл мимо, задев щупальцем стекло, словно приветствуя. Вики подошла к своему дивану у камина и рухнула на него. Дарси, ее мей-кун, тут же запрыгнула на колени, урча, как маленький мотор. С другого конца гостиной, из кресла с высокой спинкой, на нее смотрел Ввикан, кот Люцифера. Его ртутные глаза светились в полумраке. Сам Люцифер стоял у окна, глядя в темную воду. Он не обернулся.

— Нам нужно поговорить, — сказала Вики, и ее голос прозвучал хрипло.

— О чем? О том, как мы трахнемся через месяц и, возможно, сдохнем, если у нас не получится?— его голос был пустым.

— О том, как мы будем жить после. Если я должна стать твоей женой, Морнингстар, ты будешь относиться ко мне с уважением. Иначе я превращу твою жизнь в ад еще до того, как договор убьет нас.— отрезала она. Он медленно повернулся. Его лицо было в тени, но она видела, как дернулся

кадык, когда он сглотнул.

— Уважение, Винчестер? Я смотрю на тебя с первого курса. Ты единственная, кто не боится смотреть в ответ. Ты единственная, чей запах я чую за милю и чей голос заставляет мою кровь двигаться быстрее. Думаешь, это не уважение? Это, блядь, одержимость. И я ненавижу себя за это.— он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. Он пошел к выходу из гостиной, в сторону спален. У двери остановился.

— У тебя есть месяц, чтобы привыкнуть к мысли, что ты — моя. А у меня есть месяц, чтобы научиться не ломать то, что мне дорого. Спокойной ночи, жена. Он исчез в темноте коридора, оставив Вики одну, с бешено колотящимся сердцем и полным хаосом в душе. Дарси мурлыкала, Ввикан смотрел ей вслед немигающим взглядом. Где-то в глубине озера проплыла тень гигантского кальмара, а за окнами гостиной Слизерина, в зеленоватой воде, отражался свет луны — холодный, равнодушный, вечный.

Виктория проснулась от того, что Дарси, ее черно-белая бестия, наступила лапой ей прямо на лицо. Мягкая подушечка пахла кошачьим кормом и превосходством. Вики скинула фамильяра и села в кровати, чувствуя, как шелк простыней скользит по обнаженному телу. Брачный договор. С Люцифером. Через месяц. Мысль ударила под дых, выбивая остатки сна. Она застонала, уткнувшись лицом в ладони. Ей хотелось закричать, разбить что-нибудь или, наоборот, запереться в своей комнате и не выходить до конца семестра. Но Вин-

честеры не прячутся. Винчестеры надевают броню. Сегодня ее броней станет красота. Она встала и босиком прошла по холодному камню пола в свою личную ванную. В огромном зеркале в полный рост отразилась миниатюрная фигурка с растрепанными волосами цвета лунного серебра. Грудь, все еще тяжелая после сна, приподнялась от глубокого вдоха.

— Ты Виктория Винчестер, Ты не дашь этому ублюдку увидеть твой страх — сказала она своему отражению. Она колдовала над волосами добрых сорок минут. Ее длинные, тяжелые волосы, обычно прямые как стекло, сегодня были мягко закручены в крупные, ленивые волны, спадающие ниже талии. Но главная магия была наверху. Она собрала передние пряди в высокий, небрежный узел на затылке, оставив основную массу волос струиться по спине. Из узла были выпущены несколько тонких, умышленно небрежных прядей, обрамляющих лицо. В эти пряди она вплела украшения: крошечные серебряные колечки, звенящие при каждом движении, и матовые черные бусины, в которых, если присмотреться, плавали микроскопические капли ее собственной крови. Глаза — ее оружие. Она нанесла на веки зеленые тени с голографическим блеском, которые меняли оттенок от изумрудного до темно-болотного в зависимости от освещения. Жирная, агрессивная черная подводка, выведенная в хищное, длинное крыло, уходящее к виску. Ресницы густые, длинные на ее аристократическом лице они выглядели как вызов. Губы она оставила почти нетронутыми —

только прозрачный блеск с эффектом «зацелованных», от чего они казались влажными и опухшими. Пусть думает, что я уже кончила сегодня утром. Без него. Она надела улучшенную слизеринскую форму: юбка на ладонь выше колена, облегаящая бедра так, что при ходьбе ткань натягивалась на ягодицах; белая блузка, расстегнутая ровно настолько, чтобы в вырезе виднелась тонкая серебряная цепочка с кулоном в виде змеи, кусающей собственный хвост. Мантия из тяжелого шелка струилась за спиной, как знамя. Она вышла в гостиную Слизерина, и воздух, казалось, замер. Люцифер Морнингстар стоял у камина, и Ввикан терся о его ноги. У Вики перехватило дыхание. Блядство. На нем был темно-зеленый пиджак из дорогой, матовой шерсти, идеально облегаящий его широкие плечи и сужающийся к талии. На груди, прямо над сердцем, серебром был вышит герб Слизерина — змея, свернувшаяся в букву «S». Под пиджаком — черная рубашка, расстегнутая на верхнюю пуговицу, открывающая край татуировки с розами и черепами на шее. Зелено-черный полосатый галстук был завязан небрежным, свободным узлом, словно он только что затягивал его впопыхах после драки или секса. Черные брюки сидели низко на бедрах, подчеркивая длину его ног. Через плечо был перекинут черный рюкзак из драконьей кожи с серебряной фурнитурой единственная уступка школьным будням. Он обернулся на звук ее шагов. Темно-винные глаза медленно, очень медленно прошлись по ней: от украшенных бусинами волос до кон-

чиков ее остроносых тувель. Он ничего не сказал. Только его клыки блеснули в легкой усмешке, а кадык дернулся, когда он сглотнул.

— Собралась на охоту, Винчестер? — его голос был низким, с хрипотцой.

— Собралась на завтрак, Морнингстар. Не обольщайся. — ответила она ледяным тоном, проходя мимо него к выходу. Но когда она проходила мимо, ее рука случайно задела его пальцы. Искра магии крови проскочила между ними, обжигая кожу. Вики вздрогнула и ускорила шаг. Она слышала его тихий, довольный смешок за спиной. Стол Слизерина ломился от яств, достойных королевского приема. Никакой овсянки и тыквенного сока для будущих правителей мира. Перед Вики поставили ее обычный завтрак, который эльфы знали наизусть: яйца-пашот на поджаренной бриоши, политые голландским соусом с добавлением белого трюфеля. Рядом тончайшие ломтики прошутто, обернутые вокруг кусочков спелой инжирной дыни. В хрустальном бокале свежевыжатый гранатовый сок, цветом напоминающий венозную кровь. И маленькая пиала с черной икрой белуги, которую она лениво намазывала на тост из ржаного хлеба. Люцифер сел напротив нее. Его завтрак был проще, но не менее изыскан: стейк из мраморной говядины, приготовленный «с кровью» (*medium rare*), и бокал гранатного сока. Он ел, не сводя с нее глаз. Каждый раз, когда он отрезал кусок мяса, Вики казалось, что он представляет на ее месте кого-то дру-

гого. Или, что хуже, ее. Мими и Тео сидели чуть поодаль, переплетя пальцы под столом. Мими поймала взгляд Вики и одними губами прошептала: «Ты спятила так выражаться? Он же тебя сожрет». Вики только закатила глаза. Травология была ее отдушиной. Здесь, среди влажного, густого воздуха, пропитанного запахом земли и зелени, она чувствовала себя в своей стихии. Профессор Лонгботтом вел урок с энтузиазмом, но Вики слушала вполуха. Сегодня они изучали Змеевидную Лозу (*Serpens Vitis*) растение, реагирующее на Парселтанг.

— Это растение используют в сыворотках правды высшего уровня. Но будьте осторожны. Оно чувствует кровь змеустов. Если вы не являетесь потомком Салазара, оно может ужалить.— объяснял Невилл, поглаживая извивающийся стебель. Вики шагнула к лозе. Она зашипела на Парселтанге: «Спокойно, маленькая сестра. Я своя». Лоза мгновенно успокоилась и ласково обвилась вокруг ее запястья, поднося к ее ладони созревший, светящийся стручок с семенами. Класс ахнул. Люцифер, стоявший позади нее, скрестив руки на груди, смотрел на это с выражением собственника. Моя змея. Моя кровь.

— Идеально, мисс Винчестер. Эти семена пойдут на зелье для профессора Принца. Аккуратно срежьте их серебряным ножом. — кивнул Невилл. Вики достала свой ритуальный нож с рукоятью в виде змеиной головы. Лезвие вспыхнуло, когда коснулось стебля. Сок, похожий на ртуть, по-

тек по ее пальцам. Она поднесла испачканный палец к губам и слизнула каплю. Вкус был как жидкий металл и мед. Полезно для магии крови. Она почувствовала взгляд Люцифера на своих губах и намеренно облизнулась медленнее, чем нужно. Смотри, ублюдок. Это пока единственное, что ты можешь получить. Следующий предмет был нумерологией. Здесь все было иначе. Холод, цифры, расчет. Вики любила этот предмет за то, что здесь не было эмоций. Только логика. Она с легкостью рассчитывала магические квадраты и строила прогностические матрицы на следующее столетие. Ее разум работал как отлаженный механизм. Люцифер, сидевший через ряд от нее, смотрел на доску со скучающим видом. Но она знала: он запоминает каждое число. Его мозг был не менее острым, просто он предпочитал это скрывать за маской ленивого хищника. Вот он. Главный урок дня. Класс для продвинутых зелий находился не в обычном сыром подzemелье, а в личной лаборатории Северуса Принца. Это место было храмом Алхимии. Стены выложены черным обсидианом с вкраплениями золотых рун, светящихся в полумраке. Вдоль стен стеллажи с ингредиентами в хрустальных банках: заспиртованные феи, светящийся мох с могил вампиров, толченый рог василиска. Посередине стояли массивные столы из черного дуба с встроенными горелками, работающими на магическом пламени холодном, синем, не дающем копоти. Запах здесь был сложный: йод, сера, сушеные травы и что-то сладковатое, похожее на гниющие розы. Это пах-

ла Смерть, прирученная и разлитая по флаконам. Северус стоял у своей кафедры, похожий на тень в своей безупречной черной мантии. Его черные глаза обвели группу избранных студентов всего шесть человек, элита седьмого и шестого курсов.

— Сегодня, вы будете готовить Эликсир Вечной Ночи. Не путать с дешевым сонным зельем. Это зелье погружает принявшего его в состояние, неотличимое от смерти. Сердце останавливается. Кровь остывает. Душа балансирует на грани. Используется для сложнейших хирургических операций или... для путешествий в те слои реальности, куда живым вход закрыт.— произнес он своим низким, вибрирующим голосом, который заставлял замолкать даже сквозняки. Он сделал паузу.

— Работать будете в парах. Морнингстар и Винчестер. Нотт и Розье. Гринграсс и Забини. Вики сжала зубы. Конечно, блядь. Конечно, он поставил нас вместе. Она подошла к котлу, чувствуя, как Люцифер занимает место рядом с ней, слева. Его локоть почти касался ее плеча. Жар от его тела пробивался даже через плотную ткань мантии.

— Ингредиенты на столе, лунная роса, собранная в полнолуние на кладбище. Пыльца черной лилии (Вики вздрогнула — цветок смерти Морнингстаров). Кровь василиска (разбавленная, разумеется). И слезы феникса одна капля на котел, не больше, иначе пациент не вернется. — Северус взмахнул палочкой, и перед ними появился поднос. Вики

взяла серебряную ложечку. Ее руки чуть дрожали. Не от страха, от близости этого мужчины.

— Я режу ингредиенты, ты контролируешь огонь. Твоя стихия Вода, но с магией огня ты справляешься лучше.— сказала она, не глядя на него.

— Как скажешь, жена, — прошептал он так тихо, что услышала только она. Она резко вдохнула и сжала нож. Ублюдок. Они начали работу. Вики резала лунную росу вязкую, серебристую субстанцию, которая норовила ускользнуть. Люцифер стоял так близко, что она чувствовала запах Tom Ford Fabulous и его собственный, животный мускус. Когда она потянулась за пыльцой лилии, его рука легла на ее запястье.

— Не трогай голыми пальцами, это моя родовая эссенция. На твоей коже она может оставить ожог или метку.— прорычал он. Он сам взял щипцами черный лепесток и бросил в котел. Жидкость вспыхнула алым, а затем стала густо-фиолетовой. Цвет его глаз, подумала Вики.

— Слезы феникса. Ровно одна капля. И помешивать против часовой стрелки ровно семь раз. Ошибетесь и ваш эликсир станет ядом, от которого человек умрет по-настоящему, но будет чувствовать, как его заживо хоронят — напомнил Северус, проходя мимо. Вики взяла пипетку. Рука не дрожала. Она выдавила одну идеальную, светящуюся золотом каплю. Люцифер начал помешивать. Его движения были плавными, гипнотическими. Она смотрела на его руки большие,

с длинными пальцами, на которых блестел тяжелый серебряный перстень с гербом Певереллов. Эти руки через месяц будут на ее теле. Эта мысль ударила в низ живота горячей волной.

— Готово, — выдохнула она, когда зелье приобрело цвет черного жемчуга и замерцало внутренним светом. Северус подошел и склонился над котлом. Он провел над ним палочкой, и над поверхностью поднялся серебристый дымок, складываясь в символ бесконечности.

— Идеально, Единственная пара, справившаяся без ошибок. Можете быть свободны. Остальные переделывают.— произнес он без тени улыбки, но в его черных глазах мелькнуло одобрение. Вики и Люцифер собрали вещи и вышли в коридор. Тишина давила на уши. Она шла быстро, но он догнал ее в два шага.

— Винчестер, — позвал он. Она остановилась, но не обернулась.

— Что? — Посмотри на меня. Она медленно повернулась. Он стоял в двух шагах, засунув руки в карманы брюк, отчето пиджак распахнулся, и она увидела, как черная рубашка обтягивает его торс. Его лицо было серьезным.

— Ты хорошо работаешь под давлением. Мне это нравится. — сказал он.

— Я не работаю «под тобой», Морнингстар, — огрызнулась она. Он шагнул ближе. Теперь она чувствовала его дыхание на своей макушке.

— Пока нет, но я уже предвкушаю.— прошептал он, и его клыки коснулись ее уха в почти невесомой ласке. Он отстранился и, не оглядываясь, пошел по коридору в сторону гостиной Слизерина, оставив Вики стоять с колотящимся сердцем, пылающими щеками и влажными трусиками. Ее руки сжались в кулаки. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он заставлял ее чувствовать. За то, что даже его запах вызывал дрожь в коленях. Месяц, Вики. Всего месяц. Ты справишься. Но где-то глубоко внутри, в том месте, где жила ее львица, она знала: она не хочет справляться. Она хочет, чтобы он сломал ее сопротивление. Чтобы эти руки, помешивавшие зелье с такой грацией, сжали ее горло. Чтобы этот рот с клыками поставил на ней свою метку. И это пугало ее больше, чем любой договор на крови.

Утро следующего дня выдалось таким холодным, что воздух, казалось, трескался при вдохе. Над Чёрным озером стелился туман — густой, белёсый, он цеплялся за поверхность воды, как саван за плечи покойника. Деревья Запретного леса стояли чёрными скелетами на фоне свинцового неба, и где-то в их глубине перекликались твари, которым не было дела до расписания Хогвартса. Вики куталась в мантию, но холод всё равно пробирался под шёлк, под блузку, под кожу. Её светлые волосы — цвета лунного серебра с платиновым отливом — были собраны сегодня лишь частично: верхние пряди стянуты в небрежный узел на затылке, а основная масса тяжёлым, струящимся водопадом спадала до талии. От хо-

лода волосы казались ещё более бледными, почти белыми, и когда она стояла на берегу озера, обхватив себя руками, вся она выглядела как статуя, высеченная изо льда.

Хагрид огромный, бородатый, в тулупе из шкуры какого-то несчастного животного размером с небольшой сарай радостно басил что-то про «удивительных созданий, обитающих в глубинах Чёрного озера».

— Они просто не поняты, понимаете? Не поняты. Сегодня мы познакомимся с гриндроу! Эти маленькие ребята— гремел он, и его голос разносился над водой, пугая чаек. Гриффиндорцы те, что стояли по другую сторону от Хагрида, слушали с восторгом. Для них это было приключение. Шанс сунуть голову в пасть опасности и гордо кричать об этом потом в гостиной. Слизеринцы же стояли единой тёмной группой чуть поодаль, и на их лицах читалось выражение, которое можно было бы назвать «аристократическим терпением». Они не восторгались. Они выжидали, когда этот цирк закончится.

Люцифер стоял в центре их группы — как всегда, на шаг впереди остальных. Его мантия была расстёгнута, открывая тёмно-зелёный свитер, обтягивающий грудь и плечи. Руки он скрестил, отчего мышцы предплечий напряглись, и татуировка на шее розы, обвивающие черепа, выглядывала из-за воротника при каждом повороте головы. Он смотрел на озеро с ленивым презрением хищника, которого заставили смотреть на аквариум с рыбками. Рядом с ним стоял Тео

Нотт смуглый, золотистый, с янтарными глазами, в которых плясали чёртики. Мими Розье пристроилась слева от Вики фарфоровая кукла с серыми глазами, подведёнными чёрным так остро, что её взгляд резал, как скальпель. Она поймала взгляд Вики и едва заметно закатила глаза: «Опять этот балаган». И была ещё одна пара глаз. С другого конца студенческой группы, с той стороны, где стояли гриффиндорцы, на них смотрела Джини Уизли.

Младше на пару курсов. Рыжая. Веснушчатая. С тем особым типом красоты, который называют «милой» и это слово всегда звучало для Вики как приговор. Милая. Хорошенькая. Не опасная. Но в глазах Джини, когда она смотрела на Люцифера, плескалось что-то совсем не милое. Одержимость. Та самая, из-за которой девушки творят глупости, а потом плачут, размазывая тушь по щекам. Вики слишком хорошо знала этот взгляд. Она видела его у половины женского населения Хогвартса. Но у Джини он был хуже. Гуще. Потому что за ним стояли не просто девичьи фантазии — за ним стояла Молли Уизли, её мать, женщина, которая годами пыталась пристроить дочь в хорошую чистокровную семью. И Молли, как рассказывал Гарри, была готова на многое. Очень многое.

Вики помнила рассказы Гарри. О том, какой скандал разразился, когда он еще учился здесь. О том, что близнецы Уизли — Фред и Джордж — никогда не были Уизли. Они были детьми Триады. Родольфус Лестрейндж, Рабастан Ле-

стрейндж и Беллатриса Лестрейндж — их истинные родители, и эта кровь, темная, яростная, кипела в жилах близнецов.

Мысль о братьях Лестрейндж заставила Вики на мгновение отвлечься.

Фред. Лезвие, отточенное до блеска. Его лицо скульптура, высеченная из слоновой кости и золота. Скулы высокие, резкие, способные разрезать воздух. Глаза редкостный оттенок янтаря, в котором плавают искры меди; когда он злится или возбуждён они загораются изнутри, как раскаленные угли. Волосы — не рыжие, нет. Это цвет темного, выдержанного рома с отливом полированного красного дерева, всегда чуть взлохмаченные, словно он только что вышел из бури. Рот широкий, чувственный, с чуть приподнятым левым уголком в вечной усмешке, за которой скрывается интеллект, способный разобрать любое заклинание на атомы. Шея длинная, гордая, переходящая в широкие плечи пловца. Он высок, жилист и опасен, как свора гончих, сорвавшихся с поводка.

Джордж. Его отражение в воде, искаженное глубиной. Черты мягче, но от этого еще более дьявольски красивы. Лицо ангела-искусителя: четкая линия челюсти, длинные бархатистые ресницы, отбрасывающие тени на бледную, фарфоровую кожу. Глаза омут, цвет которого меняется от расплавленного серебра до тяжелого графита, и в них всегда плещется что-то древнее, чего нет у Фреда. Волосы темнее, почти шоколадные, всегда падают на лоб тяжелой, непослушной прядью, которую хочется откинуть пальцами. У него та

же широкая грудь и узкие бедра, но в каждом его движении чувствуется ленивая, тягучая сила удава, который знает: жертва сама придет в его объятия.

Вики тряхнула головой, отгоняя непрощенные образы. И в этот момент — толчок.

Резкий, подлый, в спину.

Она не успела среагировать. Каблуки скользнули по мокрой траве, воздух вырвался из легких, и ледяная вода сомкнулась над ней, как крышка гроба. Черное озеро приняло её в свои объятия не ласковые, а хищные. Холод обжег кожу, пробираясь под мантию, под блузку, под кожу. Вики погружалась. Вода была не просто холодной она была живой. Темной, голодной, полной древних инстинктов. Свет с поверхности угасал быстро, сменяясь зеленоватым полумраком, в котором двигались тени быстрые, дерганные, нечеловеческие. Гриндрои. Они почуяли её. Их длинные, костлявые пальцы уже тянулись к её лодыжкам, сжимали запястья, тащили вниз, в темноту, где не было ни воздуха, ни надежды.

Они не чувствуют её крови. Крови наследницы Основателя. Крови, в которой кипит магия самого Салазара Слизерина. Эти тупые, водяные твари не понимали, кого схватили.

Но Вики понимала.

«Я не умру здесь. Не сегодня. Не так. Я, блядь, Виктория Винчестер, и меня не сожрет кучка водорослей с зубами»

Но тело не слушалось. Холод сковал мышцы, легкие горели, а перед глазами уже плясали черные точки. Она попытала-

лась нащупать палочку, но пальцы онемели. Где-то наверху, в мире живых, раздался крик.

А потом — тишина.

На поверхности творился ад.

Мими первой услышала всплеск резкий, неестественный среди ровного гула воды. Она обернулась и не увидела подруги. Там, где секунду назад стояла Виктория Винчестер с её лунными волосами и ледяным спокойствием, теперь была пустота.

— ВИКИ!

Крик разорвал утренний воздух. Мими кинулась к краю озера, не думая о том, что может упасть сама. Её серые глаза, обычно полные презрения ко всему живому, сейчас расширились от ужаса. Она вглядывалась в черную воду, пытаюсь разглядеть хоть что-то прядь волос, край мантии, хоть какой-то знак.

Тео поймал её за плечо, не давая броситься в воду следом. Его янтарные глаза, обычно ленивые, сейчас горели холодной, расчетливой яростью. Он уже крутил головой, вычисляя.

Люцифер повернулся. Медленно. Слишком медленно.

Он видел, как Вики исчезла под водой. Видел, как сомкнулась над её головой чёрная гладь. Видел, как Джини Уизли, бледная как полотно, попятилась назад, пряча руки за спину.

И он почувствовал это.

Холод. Не тот, что шёл от озера, другой. Тот, что поднимался из его собственной груди, растекался по венам, превращал кровь в лёд. Холод, который он знал с детства. Холод Смерти, идущей по пятам. А потом пришла ярость. Он не выхватил палочку. Ему не нужно было её выхватывать. Магия Морнингстаров не требовала проводника для простых вещей. Для простых, тёмных, смертельных вещей. Джини Уизли вдруг закричала. Это был не крик испуга. Это был крик боли — чистой, незамутнённой, разрывающей тело изнутри. Она рухнула на землю и забилась в судорогах, выгибаясь дугой, ломая ногти о камни. Из её рта пошла пена, смешанная с кровью она прикусила язык. Глаза закатились, показывая белки. Тело колотилось о мёрзлую землю, как рыба, выброшенная на берег.

Беспалочковая невербальная магия. Круциатус, модифицированный кровью Морнингстаров. Он не убивал. Он заставлял молить о смерти. Хагрид метался между умирающей Уизли и озером, не зная, что делать. Его ручки тряслись, лицо покраснело, и он всё повторял:

— Бедная девочка... бедная девочка... что ж ты надела-ла-то...

Теодор не терял времени. Он вскинул палочку из эбенового дерева, и с её кончика сорвался серебристый свет. Его Патронус огромная кобра с чешуёй, отливающей расплавленной ртутью, и глазами-изумрудами — взвилась в воздух, оставляя за собой шлейф серебряной пыли. Она раздвои-

лась, став двумя змеями, и каждая метнулась в сторону замка — одна к кабинету директора, вторая в покои декана.

Щелчок аппаратуры разорвал воздух — не один, а два, почти одновременно. Северус Тобиас Принц и Гарольд Джеймс Поттер-Принц появились на берегу, как два клинка, выхваченные из ножен. Чёрная мантия Северуса взметнулась, когда он шагнул вперёд, оценивая сцену одним движением глаз: корчащаяся Уизли, паникующий Хагрид, Люцифер с лицом убийцы, пустая вода там, где должна была стоять Вики.

— Где она? — голос Гарри был тихим, но от него веяло таким холодом, что трава у его ног покрылась инеем.

— В озере, гриндрои. Они утянули её. — выдохнула Мими, сжимая руку Тео до синяков. Гарри уже шагнул к воде, но остановился. Поверхность Чёрного озера вспучилась. Вода раздалась в стороны, и из глубины поднялась голова огромная, змеиная, с чешуёй, отливающей антрацитом и ртутью. Самка василиска. Древняя тварь, что спала в пещерах под озером со времён Основателей, и сейчас она была здесь, с телом, извивающимся под водой, и глазами, горящими, как два жёлтых солнца. На её спине, поперёк огромных позвонков, лежала Вики. Без сознания, бледная, как сама смерть, но живая грудная клетка едва заметно вздымалась. Мантия, отяжелевшая от воды, облепила её тело, волосы разметались по змеиной чешуе, как серебряные водоросли. Она выглядела как подношение. Или как богиня, кото-

рую древний зверь решил вернуть миру живых.

Северус шагнул вперёд. Его голос зазвучал на Парселтанге низкий, шипящий, вибрирующий где-то в глубине горла. Язык змей давался ему так же легко, как дыхание. Кровь Принцев не была кровью Слизерина, но магия древних фамилий находила общий язык.

— Я Северус Тобиас Принц, директор этой школы и союзник крови тех, кто заключил договор с твоим создателем. Назови себя.

Гарри встал рядом с мужем, и его голос тоже зазвучал на Парселтанге мягче, теплее, но с той же внутренней силой.

— Я Гарольд Поттер-Принц, декан Слизерина и крестный этой девочки. Она — кровь Салазара. Назови себя и прими нашу благодарность.

Самка василиска медленно повернула голову. Её глаза — золотые, с вертикальными зрачками — моргнули, и она заговорила. Её голос был как скрежет камней на дне океана, как шёпот землетрясения, как звук, с которым рушатся империи.

— Я Сурра. Я спала под корнями гор, когда Салазар ещё ходил по этой земле. Я помню вкус его крови. Я помню обещание, данное его потомкам. Эта маленькая змея его кровь. Я слышала, как её сердце звало меня. Я слышала, как её кровь пела моё имя. Я пришла.

Северус склонил голову жест уважения, который он редко

дарил живым, не говоря уже о древних тварях.

— Ты спасла её. Дом Принцев в долгу перед тобой, Сурра.

Самка василиска зашипела — звук, похожий на смех.

— Я не спасала её, маг. Я вернула то, что всегда было моим. Мы связаны, она и я. Когда она умирала, я почувствовала это. Когда она умрёт по-настоящему, я приду за ней снова. А теперь заберите своё дитя. Вода не место для змей без жабр.

Она осторожно, почти нежно, опустила тело Виктории на мелководье, и тут же Люцифер, который стоял недвижимо все это время, бросился вперед. Он подхватил ее, вырывая из ледяной воды, прижал к груди. Его лицо, всегда такое надменное, сейчас было искажено эмоцией, которую он сам, вероятно, не смог бы назвать. Страх. Чистый, животный страх. Мими ахнула, указывая дрожащим пальцем.

— Ее волосы...

Среди светлых, платиновых прядей, прямо у виска, теперь сияла пепельно-белая, почти седая прядь. Она выделялась ярко, как шрам, как клеймо. А когда веки Вики дрогнули, и она с трудом разлепила ресницы, все увидели, что ее левый глаз тот самый, небесно-голубой, стал черным. глубоким, как бездна. Отметка Смерти.

— Блядь, — прошептала Мими, и в этом слове было больше молитвы, чем во всех заклинаниях. Вики закашлялась, из ее легких вырвалась озерная вода, смешанная с чем-то темным. Она почувствовала, что лежит в чьих-то руках. В

его руках. Запах Tom Ford Fabulous, влажной кожи и ярости окутал ее, как саван. Она подняла взгляд один глаз голубой, полный боли, другой черный, пустой и встретила с его глазами. Темно-винными, горящими.

— Привет— прохрипела она, пытаясь улыбнуться разбитыми губами. Люцифер сжал ее так, что она вскрикнула.

— Еще раз. Еще раз ты попытаешься сдохнуть у меня на глазах, и я сам тебя убью. Поняла? — его голос был тихим, опасным, он вибрировал у самого ее уха, и клыки царапнули мочку. Она слабо засмеялась, и этот смех был похож на карканье.

— Ты спас меня, Морнингстар? Как трогательно. Только не говори, что плакал.

— Я не плачу. Я уничтожаю тех, кто посмел к тебе прикоснуться. Эта рыжая сука уже корчится в лазарете. Ты моя. Ты слышишь? Моя. И даже Смерть не посмеет тебя забрать, пока я не разрешу. — Его пальцы впились в ее мокрую мантию на спине. Вики смотрела на него, чувствуя, как тепло его тела проникает сквозь ледяную корку ее одежды. Ее черный глаз, метка той грани, где она побывала, казалось, видел больше, чем голубой. Она видела его ауру бушующую, черную, с алыми прожилками ярости и боли. И где-то глубоко, в самом центре этой тьмы, пульсировала тонкая золотая нить — его страх за нее.

— У меня теперь твоя метка, — прошептала она, поднимая дрожащую руку и касаясь кончиками пальцев его скулы,

той самой царапины, которую он получил в лесу. Он перехватил ее пальцы, поднес к губам и прижался к ним ртом. Не поцелуй клятва.

— Значит, ты стала еще красивее. Моя маленькая змейка со шрамом от Смерти. Как же сильно ты меня ненавидишь?

— Больше, чем ты можешь представить. И хочу тебя так же сильно. Это проклятие, Морнингстар.

— выдохнула она, но ее рука сама собой скользнула ему на затылок, зарываясь в волосы.

— Нет, Виктория. Это наш гребаный брачный договор, который мы наконец-то начинаем выполнять. Ты только что побывала за гранью и вернулась ко мне. Думаешь, я теперь отпущу тебя хоть на шаг? — он наклонился так близко, что их губы почти соприкоснулись, и его голос упал до самого низкого, интимного регистра.

— Ты и так не отпускал, — она закрыла глаза, чувствуя, как сознание плывет, но голос его держит ее, как якорь. Северус и Гарри, закончив диалог с Суррой, которая величественно скрылась в глубинах, повернулись к студентам. Гарри смотрел на крестницу с выражением, в котором смешались облегчение и ужас. Северус поджал губы, но в его черных глазах мелькнуло что-то похожее на гордость.

— Мисс Винчестер отправится в свои покои. Мистер Морнингстар, вы пойдете с ней. И не вздумайте покидать ее комнату пока не прибуду я или профессор Поттер — Принц. — Его тон не терпел возражений.

Люцифер поднялся, неся Вики на руках, как пушинку. Ее мокрая юбка облепила бедра, и он машинально поправил полку ее мантии, скрывая ее от чужих глаз. Она уткнулась лицом в его шею, прямо в татуировку с розами и черепами, и вдохнула его запах смесь дорогого парфюма, озерной воды и чего-то неуловимо родного.

— Ты должен мне новый бокал, — пробормотала она ему в ключицу.

— Ты чуть не умерла, а думаешь о бокалах?

— Я думаю о том, что в первую брачную ночь, я хочу быть в сознании и без воды в легких.

Он запнулся на ровном месте, и из его горла вырвался звук, похожий на рычание пополам со смехом.

— Ты невозможна.

— Я Винчестер. Мы не умираем. Мы просто становимся чуть более... мрачными.

Мими, семеня рядом, протянула ему ее палочку, которую выудила из воды. Ее серые глаза были полны слез, но она улыбалась.

— Если ты еще раз так сделаешь, Вики, я тебя сама прокляну. А теперь заткнись и дай своему мужчине донести тебя до постели. И, Морнингстар, если ты ее обидишь, я найду способ отравить тебя даже сквозь твою кровь Певереллов. Понял? — она понизила голос, Люцифер даже не посмотрел на нее. Он смотрел только на женщину в своих руках, жен-

щину с седой прядью и черным глазом, которая, даже балансируя на грани смерти, умудрялась его заводить.

— Понял, Розье. Только моя змея сама кого хочешь отравит. И она сделает это с улыбкой.

Вики слабо улыбнулась, и ее черный глаз блеснул.

— Спорим, я быстрее?

— Спорим, я глубже?

Она закатила глаза, но щеки ее порозовели. И, шагая к замку, он прижимал ее к себе так, словно она была не женщиной, а самым его сердцем, вырванным из груди и чудом возвращенным обратно. 4 А где-то позади, в Больничном крыле, Джинни Уизли приходила в себя, и первое, что она увидела, были холодные глаза профессора Принца, который склонился над ней с флаконом Веритасерума в руке. Но это уже совсем другая история.

Комната с Виктории была погружена в полумрак, который рассеивало лишь пламя нескольких зачарованных свечей, парящих под потолком. Их свет дрожал на зелёных бархатных портьерах и отражался в чёрном зеркальном камне стен. Вики сидела на своей кровати, поджав под себя ноги и закутавшись в тяжелое одеяло из шерсти гигантского шелкопряда. Её волосы, всё ещё влажные после душа, рассыпались по плечам, и пепельно-белая прядь у виска сияла в полумраке, как предупреждение.

Вокруг собрались те, кому она доверяла. Мими сидела на краю кровати, сжимая руку Тео так, что его пальцы побеле-

ли. Сам Тео стоял, прислонившись плечом к резной колонне балдахина, и его янтарные глаза неотрывно следили за лицом Вики. Люцифер сидел в кресле напротив неё, подавшись вперёд, уперев локти в колени. Его темно-винные глаза были мрачнее грозового неба, а челюсть сжата так, что под кожей перекатывались желваки. Ввикан сидел на подлокотнике кресла, и его ртутные глаза тоже смотрели на неё.

— Вы должны знать, то, что я видела там... это меняет всё, что мы знали. — тихо начала Вики, и голос её прозвучал хрипло, словно она только что вынырнула из воды. Дарси запрыгнула на кровать и устроилась у неё на коленях, урча как маленький мотор. Вики опустила пальцы в густую шерсть фамильяра и начала говорить.

— Всегда думали, что Смерть, Жизнь и Магия — это три сестры. Богини, которые прядут нити судеб. Но это не так.

Она замолчала, глядя в огонь.

— Если Смерть и Магия — девушки, то Жизнь это парень. Я видела их. Всех троих. Они ждали меня. — Мими ахнула и подалась вперёд, её фарфоровое лицо побелело ещё сильнее. Люцифер не шелохнулся, но его пальцы, сжимавшие подлокотники, напряглись до хруста дерева.

— Когда я открыла глаза там. Сначала я не поняла, где я. Это место... оно не было похоже ни на что. Никакой тьмы, никакого света. Просто ожидание. Я стояла в арке из камня, который казался одновременно жидким и твёрдым. И оттуда, из глубины, ко мне подошла Она. — Вики прикрыла ве-

ки, и её голос упал до шёпота.

Воспоминание накрыло её с головой.

Холод первый, кто поприветствовал Викторию. Не тот холод, что кусает кожу на ветру, а глубинный, спокойный холод вечности, проникающий под кости, в самую сердцевину души. Она стояла босиком на полу из обсидиана, и камень дышал под её ступнями медленно, ритмично, как спящий дракон. Арка, в которой она оказалась, была вырезана из цельного куска чёрного зеркального камня. Её поверхность отражала не лицо Вики, а что-то иное размытые тени, силуэты, которые двигались сами по себе. И из этих теней выступила Она. Богиня Смерти. Нираэль. Вики замерла. Её дыхание перехватило, а сердце если оно ещё билось в этом месте пропустило удар. К ней приближалась молодая девушка с длинными волнистыми чёрными волосами, которые свободно струились по плечам и спине, касаясь пола. Тонкие черты лица, светлая, почти прозрачная кожа, выразительные светло-серые глаза, подведённые тёмным контуром. Пухлые губы естественного розового оттенка были чуть приоткрыты в лёгкой, едва уловимой улыбке. На ней было роскошное платье в готическом стиле тёмно-бордового, запёкшейся крови. Лиф украшало сложное золотое шитьё, кружева, и в них, словно капли крови, горели драгоценные камни глубокого красного цвета. Вырез открывал ключицы и плечи, и на шее богини сиял изысканный золотой чокер с ажурным орнаментом и центральным прозрачным камнем каплевидной

формы. Длинные золотые серьги-подвески, инкрустированные мелкими жемчужинами, мерцали при каждом шаге. От неё исходил холод. Но не враждебный. Ласковый. Как прикосновение материнской руки ко лбу больного ребёнка. Она подошла к Вики и взяла её за руку. Её пальцы были прохладными, гладкими, как отполированный мрамор, и от этого прикосновения по телу Вики пробежала дрожь не страха, а какого-то странного, благоговейного трепета.

— Идём, дитя, — произнесла Нираэль, и её голос. Этот голос. Низкий, бархатный, холодный контральто. Он звучал тихо, но проникал до самых костей глубокий, гипнотический, с лёгким металлическим оттенком. Когда она говорила, температура вокруг словно падала на несколько градусов, а невидимые искры в воздухе замедляли свой танец. Вики не могла сопротивляться. Да и не хотела. Она позволила вести себя сквозь арку, и они оказались в Зале. Зал был огромен. Стены из чёрного зеркального камня уходили в бесконечность, теряясь где-то в вышине, где плавали золотые и фиолетовые руны. Они двигались медленно, лениво, словно рыбы в тёмной воде, и от них исходило свечение мягкое, пульсирующее, как сердцебиение вселенной. Пол был гладким, как замёрзшее озеро, и в нём отражались не фигуры, а души. В центре зала возвышался столп света — вертикальный луч, который не имел источника. Он просто был, и в нём, казалось, содержалось всё: начало и конец, рождение и смерть, каждый миг, который когда-либо прожило любое живое су-

щество. И там, у этого столпа, стояли они. Трое. Нираэль отпустила руку Вики и мягко подтолкнула её вперёд. Вики сделала несколько шагов и остановилась, не зная, что делать. Её колени подогнулись сами собой. Она поклонилась низко, как кланялась только перед алтарём Винчестеров в родовом поместье.

— Поднимись, дитя, — произнёс новый голос. Глубокий, тёплый, бархатный баритон с лёгкой хрипотцой. Он звучал как шелест листвы и далёкий гром весенней грозы одновременно. От этого голоса в воздухе вдруг запахло свежей травой и тёплой землёй. Вики подняла голову. Перед ней стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, с классическими чертами лица и светлой кожей. Его глаза небесно-голубые, яркие смотрели на неё с теплотой, от которой у неё защипало в носу. Густые, слегка взъерошенные светлые волосы падали на лоб. На нём была тёмная одежда с глубоким вырезом, открывавшим грудь, и поверх неё массивный воротник с золотым орнаментом и гравировкой. Плечи украшали декоративные металлические элементы, к которым крепился объёмный белый плащ, ниспадающий тяжёлыми складками. На груди и плечах сверкали золотые броши, от которых тянулись тонкие золотые цепочки. Бог Жизни. Арион. Он был младшим из троих — Вики почувствовала это по тому, как Нираэль слегка сместилась, уступая ему место рядом с собой, как старшая сестра. Но он не был слабее. Он был им ровней. Просто... другим. От него исходило тепло, которое проникало

сквозь кожу, сквозь мышцы, в самые кости, и Вики вдруг почувствовала, как её тело то, что осталось где-то там, в ледяной воде, начинает бороться за жизнь с новой силой. А затем к ней подлетела третья. Девушка с длинными рыжими волосами, которые сияли, как расплавленное золото. Её лицо с правильными чертами было усыпано веснушками на щеках, на переносице, а глаза её были светлыми, зеленовато-жёлтыми, как у кошки. Она была одета в чёрное бархатное платье с глубоким V-образным вырезом, открывавшим плечи, и по всей ткани шла детализированная золотая вышивка растительные орнаменты, завитки, которые, казалось, двигались сами по себе. На шее широкий золотой чокер, а от него в декольте спускалась длинная тонкая цепочка с миниатюрным кулоном. В ушах длинные золотые серьги-подвески, на запястье тонкий золотой браслет. Она двигалась, не касаясь пола. Плыла в воздухе, окружённая мерцающими искрами, и от неё исходил запах озон, старая бумага, тлеющие угли и что-то сладкое, как ваниль, которую добавляют в зелье, чтобы скрыть вкус яда. Астралис. Богиня Магии. Матушка Магия, как звали её в мире живых.

— Посмотрите на неё, какая красота. Винчестеры всегда делали лучших детей. Салазар знал, кого выбирать. — произнесла Астралис мелодичным, слегка вибрирующим голосом, который звучал как звон хрустальных колокольчиков, пропущенный через эхо. В нём слышались переливы, будто несколько голосов говорили одновременно на разных тонах.

Вокруг неё искрился воздух.

— Ты пристрастна, сестра. Ты всегда любила тех, кто силен в магии крови. — усмехнулась Нираэль, и её холодный голос контрастировал с теплотой Ариона и звоном Астралис так резко, что у Вики мурашки побежали по спине.

— А ты любишь тех, кто умирает красиво, — парировала Астралис, и в её зелёных глазах мелькнул лукавый огонёк.

— Прекратите, дитя напугано. Дайте ей прийти в себя. — мягко прервал их Арион, и от его баритона стены зала чуть дрогнули.

Вики стояла, не смея шевелиться, и чувствовала себя пылинкой, залетевшей в тронный зал богов. Они все трое смотрели на неё — не с осуждением, не с равнодушием, а с любовью? С собственнической нежностью, как смотрят на ребёнка, который сделал первые шаги и чуть не упал, но удержался.

— Значит, я умерла? — голос Вики прозвучал жалко, тонко, и она ненавидела себя за этот страх. Но перед лицом трёх стихий даже сталь Винчестеров могла дрогнуть. Нираэль рассмеялась. И этот смех был, блядь, чем-то невозможным. Холодным, как первый снег, и одновременно тёплым, как прощание с любимым. Он проник под кожу, заставил сердце замереть и забиться снова быстрее, сильнее.

— Умерла? О, нет, милое дитя. Тебе ко мне ещё рано. Очень, очень рано. Я жду тебя, но не сейчас. Не сегодня. —

Она склонила голову набок, и её серые глаза блеснули.

— Тогда... почему я здесь?

— Потому что мы хотели посмотреть на наше любимое дитя, на ту, в ком течёт кровь Салазара. На ту, кто связана с Тенью. Вы редкие души. Мы следим за вами. — ответила Астралис, подплывая ближе и касаясь пальцами её щеки. Прикосновение было лёгким, как дуновение ветерка, и Вики почувствовала, как по коже пробежали электрические разряды.

— И потому что нужно было кое-что исправить, непростительное заклятие. Его наложили на тебя, когда толкали в воду. Не осознанно — та девчонка даже не знает, что сделала. Но магия бывает коварна. Империи, ослабленное, разбавленное неумением. Оно не подчинило бы тебя, но заставило бы замереть ровно на ту секунду, которой хватило бы гриндрои, чтобы утащить тебя в ил. — добавила Нираэль, и её голос стал жёстче. Вики побледнела. Она помнила. Помнила тот миг когда толчок в спину был не просто толчком, а чем-то, что на секунду парализовало её волю, не дало выхватить палочку. Она думала, это просто неожиданность. Но это было проклятие.

— Джини... — прошептала она.

— Да, Джиневра Уизли. или, вернее, Джиневра предатель крови — кивнула Астралис, и её мелодичный голос на мгновение стал резким, как скрежет металла. Вики уставилась на неё.

— Что?

Астралис вздохнула, и в этом вздохе была вековая усталость.

— Мне противно, дитя. Противно, что мои дети поступают так друг с другом. Что они используют мои дары магию, которую я вдохнула в этот мир, чтобы унижать, калечить и убивать. Но эта семья Уизли они особый случай — её глаза потемнели.

— Расскажи ей, она имеет право знать. — тихо произнёс Арион, и в его голосе прозвучала печаль.

Астралис кивнула, и вокруг неё закружились золотые руны быстрее, быстрее, складываясь в образы. Вики увидела их: семью Уизли. Молли, Артура, их детей. И на каждом из них едва заметная, пульсирующая тень, как грязное пятно на ауре.

— Молли, происходила из семьи Прюэтт. Но она не была родной дочерью главы рода. Её мать родила её от тайной связи, и отец, милосердный глупец, принял её в род. Дал ей имя. Дал ей кров. Но когда её братья родные дети выросли, когда Фабиан нашёл жену. Молли поняла, что завидует. — начала Астралис, и её голос зазвенел от сдерживаемого гнева. Руны сложились в изображение женщины с округлившимся животом. Беременная жена Фабиана Прюэтта.

— В одну ночь, Молли сделала это. Убила ребёнка в утробе матери. Не ради мести. Не ради выгоды. Ради красоты. Она хотела забрать её себе — красоту той женщины, её

жизнь, её дитя. И магия. магия отшатнулась от неё. В ту ночь она лишилась права называться Прюэтт. Она стала предателем рода. А её красота исчезла. То, что вы видите сейчас это лишь жалкие остатки того, чем она была. — продолжала Астралис, и её голос упал до шёпота. Вики прижала ладонь к губам. Её тошнило.

— А Артур... — прошептала она.

— Артур любил её, давно. Всегда. И она знала это. Она использовала его., они не всегда были Уизли. Когда-то они были Узиллеты старый, уважаемый род. Пока Артур не убил главу рода. «Своего собственного отца», — произнёс Арион, и в его голосе не было осуждения, только грусть.

— Магия отказалась от них, на них на магическом уровне видна Печать Предателей Крови. Вы, чистокровные, не видите её глазами, но чувствуете. Вот почему от них вечно пахнет неправильно. Вот почему их избегают. Даже имея чистокровную мать, их дети несут это клеймо. — закончила Нираэль, и от её холодного голоса руны задрожали. Вики опустила голову. В её душе кипела смесь из ярости и омерзения. Джини не просто соперница. Она наследница проклятого рода, и она посмела прикоснуться к Винчестер.

— Тебе пора возвращаться, дитя. Там ждут. Там переживают. Тот, кто связан с тобой кровью, сейчас сходит с ума от страха. — тихо произнёс Арион. Он подошёл ближе от него пахло травой и грозой и положил широкую ладонь ей на плечо. Тепло разлилось по телу, прогоняя остатки озёрного

холода. Люцифер. Вики вздрогнула и подняла глаза.

— Он в ярости, о, я чувствую его магию. Такая тёмная, такая вкусная. Ты выбрала хорошего, Винчестер. Или он тебя выбрал. С этими Певереллами никогда не поймёшь. — добавила Астралис с лёгкой усмешкой.

— Подойди ко мне, — произнесла Нираэль. Вики повернулась к Богине Смерти. Сердце заколотилось где-то в горле. Нираэль стояла всё так же величественная, холодная, прекрасная. Она протянула руку, и Вики, не в силах сопротивляться, сделала шаг. Ещё один. И ещё.

— Ты невеста рода Теней, ты будешь стоять рядом с наследником Певереллов. Ты будешь рожать ему детей. И делить с ним трон, войну и постель. И ты должна быть защищена. — произнесла Нираэль, и её голос звучал как клятва. Она наклонилась. Её холодные губы коснулись лба Вики. Поцелуй обжёг льдом. Вики вскрикнула не от боли, от внезапности. По телу прошла волна холодная, мощная, меняющая что-то в самой её сути. Она почувствовала, как что-то внутри неё встаёт на место. Как будто замок, который она не знала, что носит в себе, наконец открылся.

— Теперь ты под моей защитой, Ты сможешь дать отпор своему жениху и окружающему миру. то, что спало в тебе, пробудится. Ты Винчестер, но теперь ты ещё и под моей защитой — прошептала Нираэль, отстраняясь. Вики поднесла руку ко лбу. Кожа горела холодом. Она не понимала, что именно изменилось, но чувствовала что-то огромное, древ-

нее, могущественное теперь текло по её венам рядом с кровью.

— Иди, и живи, Виктория Винчестер. Мы будем следить за тобой. — сказал Арион, и его голос прозвучал как благословение.

— И за твоим мужчиной, передай ему, что если он тебя обидит, я лично прокляну его род до десятого колена. А я, знаешь ли, умею — добавила Астралис с лукавой улыбкой. Нираэль только усмехнулась.

— Иди.

И мир вокруг Вики рассыпался на тысячу осколков.

В комнате повисла тишина. Вики закончила говорить и теперь сидела, опустив голову, глядя на свои дрожащие пальцы. Дарси мурлыкала у неё на коленях. Ввикан, кот Люцифера, поднялся и бесшумно пересёк комнату, чтобы потереться о её ноги. Даже он понял. Мими сидела с открытым ртом, её серые глаза были полны слёз. Тео сжимал её плечо, но сам был бледен как смерть.

— Ты хочешь сказать, что тебя благословили? Все три божества? Сама Смерть? — прошептала Мими.

— Поцеловала в лоб, и оставила сувениры. — Вики горько усмехнулась и откинула волосы, показывая пепельную прядь и чёрный глаз. Люцифер не произнёс ни слова. Он поднялся медленно, как хищник, готовящийся к прыжку. Его глаза го-

рели, и в их темно-винной глубине плескалось что-то дикое. Он пересёк расстояние между ними в два шага, схватил Вики за плечи и рывком поднял с кровати. Дарси возмущённо мякнула и спрыгнула на пол.

— Ты, стояла перед ними. Перед самой Смертью. И ты не позвала меня? — его голос был низким, опасным, вибрирующим от сдерживаемой ярости.

— Я была немного занята, Морнингстар. Знаешь, тонула, умирала, знакоилась с божествами. Обычный вторник. — огрызнулась Вики, но её голос дрожал. Он смотрел на неё. Долго. Страшно. А потом вдруг схватил её за затылок, зарываясь пальцами в серебристые волосы, и прижал к своей груди так крепко, что она услышала его сердцебиение. Бешеное, гулкое, как барабан войны.

— Я думал, ты умерла, блядь, умерла, и я даже не успел тебе сказать... — прошептал он ей в макушку, и его голос сорвался.

— Что сказать? — прошептала она в ткань его рубашки, вдыхая запах Tom Ford Fabulous, кожи и дома.

— Ничего, просто ничего забудь. — он сжал её крепче. Но она знала. И он знал. И все в этой комнате знали. Мими тихо всхлипнула и уткнулась лицом в плечо Тео. Тот обнял её, прижимая к себе.

— Значит, Уизли предатели крови? Это объясняет многое. — спросил он, нарушая тишину.

— Это объясняет всё, я хочу, чтобы Джини заплатила. Не

просто за толчок. За то, что её семья сделала с родом Прюэтт. За то, что они пытались сделать со мной. — ответила Вики, не поднимая головы с груди Люцифера.

— Она заплатит, я лично прослежу. — пообещал Люцифер, и его голос был холоднее, чем поцелуй Нираэль. И где-то далеко, за гранью миров, в Зале из чёрного зеркального камня, три божества смотрели на своих наследников Тень и Кость, Люцифера и Викторию и улыбались.

— Они справятся, — сказала Астралис, и её рыжие волосы сияли как пламя.-+

— Конечно, справятся, я вдохнул в неё достаточно жизни, чтобы она пережила даже его. — кивнул Арион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.